

9. Чубукова И. А. Data Mining БИНОМ. Лаборатория знаний, Интернет-университет информационных технологий. – Режим доступа: ИНТУИТ.ру.2006

10. Fayyad, Piatetsky-Shapiro, Smyth, and Uthurusamy Advances in Knowledge Discovery and Data Mining, (Chapter 1) AAAI/MIT Press 1996.

11. Intersoft Lab: Дадим слово критикам // По материалам зарубежных сайтов. – Режим доступа: <http://www.iso.ru/journal/articles/277.html>

КАРПОВА Ю. В.

«СМЕРТЬ СУБЪЕКТА» КАК ПРОЦЕСС ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

«Смерть субъекта» – один из основных теоретических постулатов постмодернизма, который противопоставляется представлениям о свободном, независимом от социальных, материальных и духовных условий существования индивиде. Смысл постмодернистских теорий субъекта заключается в том, что они пытаются обосновать социально-духовную зависимость субъекта, прежде всего на уровне его мышления. Надо сказать, что термин «смерть субъекта» – метафорический, означающий, прежде всего, отказ от принципа первичности субъекта, независимо от того, в рамках какого подхода интерпретируется само понятие «субъект». В практическом поле нашего опыта это выражается в тенденции воспринимать человека как часть «массы», размывая ядро его субъективности осознанием функциональной ценности. Поэтому, с нашей точки зрения, справедливо было бы осмыслить проблему смерти субъекта, являющуюся одной из ключевых в практике современного философствования, как проблему деиндивидуализации личности, ее «массовизации». Рассматривая личность с точки зрения сверхдетерминизма и децентрации, представители современной философии, в сущности, пришли к невозможности выражения личностного начала.

Так, сверхдетерминизм выражается в признании существования процессов и явлений, над которыми человек не властен, но которым он полностью подчинен. Среди этих явлений мож-

но отметить представленные в виде безличной силы социальные процессы, язык и те сферы духовной деятельности, которые он обслуживает, область бессознательного желания. Что касается децентрации субъекта, то выражалась она обычно в отрицании автономности сознания. Тема эта раскрывалась современным психоанализом, лингвистикой и антропологией. В психоанализе субъект децентрировался по отношению к законам его желания, в лингвистике – по отношению к языковым формам, в антропологии – к правилам поведения [1].

Здесь мы остановимся на таких явлениях, как децентрация массового человека по отношению к его бессознательному, что проявляется в его внушаемости и отсутствии адекватного сопротивления любым формам манипулирования. На наш взгляд, децентрация является причиной сверхдетерминизма, т. к. наличие процессов и явлений, не контролируемых человеком, но управляющих им, возможно только в том случае, когда во всей структуре психики человека на обращенный сигнал отвечает преимущественно бессознательное, а личность его практически ограничивается рамками «Id». Мы рассмотрим проблему сверхдетерминизма как зависимость человека, способность его мышления от повседневного и компьютерного языка, и как его зависимость, подчиненность различного рода манипуляциям, так широко сегодня используемым, в первую очередь, средствами массовой информации.

Основанием для рассмотрения децентрации субъекта как одного из проявлений массовизации для нас служат характеристики массового сознания и массовой культуры, формирующей это сознание. Среди них выделяется сугубо *утилитарная* направленность, ориентация на *повседневнопотребительские* запросы стремящегося к *развлечению* человека-массы. Основная функция массовой культуры – сориентировать человека в наиболее типичных ситуациях, сообщить минимум необходимых культурных сведений, которые позволили бы ему вписаться в общество. Маскульт, таким образом, выполняет стандартизирующую и упрощающую повседневную жизнь человека функцию. Поэтому жизнь человека, воспитанного на такого рода ценностях, приобретает тривиальный, нетворческий характер. Чело-

век-массы лишен духовного измерения в своем восприятии жизни и не имеет аутентичных ориентиров. Массовый человек предпочитает мир внешних впечатлений миру внутренних переживаний, у него нет мотивации к внутреннему развитию, его естественное состояние – потребительство, в том числе и духовное, для него характерно отчуждение от творчества, это приводит к тому, что и отношения между людьми становятся отчужденными и сводятся к взаимным манипуляциям. Сознание ценности человеческой жизни уступает место безразличию, жизнь человек не столько проживает, сколько имитирует стереотипы, предлагаемые масскультом; такой конформизм массового человека лишает его индивидуальности, он становится полностью зависимым от власти стандартов. С этим связано появление тенденции к деиндивидуализации в пространстве масскульта. Особенностью процесса деиндивидуализации является сохранение индивидуализма: современное общество представляет собой толпу особо отдельных, но одинаково неразличимых его членов. Массовый человек находится в состоянии уравнивающего всех эгоизма – индивидуализма без индивидуальности. «Отсутствие индивидуальности, каких-то глубоких интересов, внутренняя пустота оставляет место для вторжения чужих идей и вкусов, чужих мнений и чувств. Поэтому обыватель внушаем и подвержен резким переменам в своих взглядах и настроениях» [2, с. 63].

В. М. Бехтерев определяет внушение как «не что иное, как вторжение в сознание или прививание к нему посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте «Я» субъекта, вследствие чего последнее в большинстве случаев является или совершенно, или почти безвластным его отринуть и изгнать из сферы сознания. Проникая в сознание без активного участия «Я» субъекта, внушение остается вне сферы личного сознания, благодаря чему и все дальнейшие его последствия происходят без контроля «Я» [3, с. 21]. Состояние, в котором человек легко подвергается воздействию извне, становится вполне управляемым, совершая внушенные действия, является состоянием духовного подавления. Известно, что всякая манипуляция основана на внушении, которое требует, в свою очередь, дезаг-

регации в социальном сознании. Деагрегация в данном случае – это ослабление сознательного контролирующего, рефлектирующего «Я» и укрепление бессознательного. Деагрегация довольно просто проводится в толпе. Достаточно «максимально ограничить связь каждого реципиента с индивидуальным сознанием, которое предполагает определенную свободу действий» [4, с. 289]. Ограничивается поле сознания индивида, вытесняются все другие впечатления, не направленные на манипулятора. Й. Хейзинга отмечает, что «именно повышенная визуальная внушаемость, суггестивность является той ахиллесовой пятой, по которой бьет современного человека реклама, пользуясь ослаблением его способности суждения, способности самостоятельно думать и оценивать» [5, с. 390]. В результате образуется как бы замкнутый круг: человек, попадая под власть манипулятора, лишается способности рационального осмысления событий, а снижение способности суждения, в свою очередь, провоцирует манипулятора на еще более агрессивные в отношении этого человека действия.

Таким образом, децентрация, рассмотренная здесь как результат смещения функции основной действующей силы личности с сознания на бессознательное, приводит человека к ситуации сверхдетерминизма: высокая степень восприимчивости к внушению делает его максимально удобным объектом манипулирования. Однако децентрация приводит к детерминизму не только со стороны внешних социальных сил, но и со стороны обезличенных явлений, таких, например, как язык.

Основными чертами современной повседневности являются жесткий прагматизм и рационализм. При этом прагматизм утверждается рационализацией мышления. Данная рационализация обнаруживает себя в первую очередь в упрощении, стереотипизации обыденных языковых форм. Обыденная языковая категоризация основана на том, что повседневное поведение людей осуществляется в рамках социальных стандартов. Поэтому выбранная языковая стратегия говорит о той социальной роли, которая в данном случае реализуется. Отсюда следует, что одной из основных функций обыденного языка является координация отношений людей в обществе: использование

языковых средств влияния на сознание человека дает возможность изменить его знания, оценки, ценности. Простота и однозначность понятий быденного языка позволяет упрощать сложные отношения. Например, из повседневного языка уходят экстремальные, яркие оценки, остаются усредненные оценочные суждения. Признаком быденного языка является ситуационность, которая, в свою очередь, мешает глубокому пониманию смысла и значения употребляемых им слов. В «Бытии и времени» М. Хайдеггер отмечает, что в повседневной практике люди просто функционально используют комбинации знаков вне зависимости от их онтологического основания – речи, где есть экзистенциально-онтологическая структура различных возможностей общаться с другим, в то время как лишенную основания, собственно фундаментальности речь М. Хайдеггер называет «болтовней» (Gerede). А «болтовня» – есть первый феномен повседневного, лишенного экзистенциальной самости, Dasein.

Одной из разновидностей упрощения языковых средств является компьютерная рационализация мышления. Одним из примеров влияния компьютера на жизнь общества может служить процесс перенесения языка общения между человеком и компьютером в систему общения между людьми. «По отношению к естественному языку – это процесс его упрощения за счет минимизации содержания используемых понятий, которые должны быть понятны большинству людей.... Речь идет не просто об изменении слов, а об изменении самого стиля мышления» [7, с. 28]. Это изменение характеризуется движением в сторону стереотипизации, формализации и, в целом, к упрощению. Здесь преобладают общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые компоненты. Проявлением как компьютерного рационализма, так и ограничения сферы языковой активности повседневным языком может стать потеря человеком способности к интуитивному, многоуровневому восприятию себя и мира, что, в конечном счете, приведет к невозможности творческой, созидательной деятельности.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что два основных аспекта, выражающих, с точки зрения современной философии, процесс смерти субъекта (децентрация и сверхдетерминизм), действительно обнаруживают себя в социальной реальности, а именно – в повседневной, обыденной жизни массового человека. Децентрация проявляется в повседневной жизни, главным образом, во внушаемости личности, в ее особой, некритичной восприимчивости информации. Такая внушаемость обусловлена, с одной стороны, действием сил бессознательного, которое обнаруживает себя в виде подавляющих волю субъекта желаний и потребностей. С другой стороны, в качестве основного условия подверженности человека воздействиям извне является состояние «духовного подавления».

Таким образом, субъект окончательно утратил чувство индивидуальной целостности, потерял когнитивные основания для самоидентификации и, наконец, просто остался равнодушным к проблеме ответственности за свое «Я». К сожалению, современная философия всего лишь зафиксировала «кризис субъекта», констатировала его отсутствие, но не спровоцировала его присутствие. Поэтому решение актуальных проблем человека, прежде всего, требует понимания и реконструкции его нынешнего статуса, который должен определяться, в первую очередь, через его *духовную* сферу. Так как духовное есть начало синтезирующее, поддерживающее единство личности.

Примечания

1. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. М. : Интрада, 1998. 255 с.
2. Самохвалова В. И. Маскульт и маленький человек // Философские науки. 2001. № 1. С. 55–66.
3. Бехтерев М. Внушение и его роль в общественной жизни / В. М. Бехтерев. СПб. : Питер, 2001. 256 с.
4. Бледный С. Н. Проблема манипулирования сознанием в научной литературе конца XIX – начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 292–302.
5. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Й. Хейзинга. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерланд. В. Ошиса. М., 2004. С. 343–518.
6. Касавин И. Т. Повседневность и альтернативные миры / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев // Философские науки. 2003. № 5. С. 104–124.